

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА

Е.В. ЧУРИЛОВА,
С.В. ЗАХАРОВ,
А. ПУУР,
Л. РАХНУ,
Л. САККЕУС

Рождаемость в России и Эстонии: различия между русскими, проживающими в России и Эстонии, и коренными эстонцами*

Распад СССР, переход к рыночной экономике и структурные изменения в обществе имели следствием трансформацию семьи и брака в России и во всех без исключения странах Восточной Европы. Эстония – один из примеров быстрой деинституционализации брака, широкого распространения сожителств и внебрачных рождений. При этом Эстония, будучи в составе СССР, с первых послевоенных десятилетий принимала мигрантов из России. Исследования показывают, что адаптация русских мигрантов в Эстонии протекает медленно, а модели матримониального поведения русских мигрантов и их потомков в принявшей их стране более близки к базовым моделям российского населения (страны-донора), чем к моделям эстонского населения (страны-реципиента). В статье на основе данных первой волны международного исследования ЕЭК ООН "Положения и гендер", проведенного по единой методологии в России в 2004 г. и в Эстонии в 2005 г., рас-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-23-19003 "Особенности формирования семей у русских, проживающих в зарубежных странах, по сравнению с представителями титульных национальностей" (Международный конкурс в рамках проекта ERA.Net RUS Plus 220RUS_FAM).

Ч у р и л о в а Елена Владимировна – кандидат социологических наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований населения и здоровья Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики" (НИУ ВШЭ). Адрес: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3.

E-mail: evchurilova@hse.ru

З а х а р о в Сергей Владимирович – кандидат экономических наук, заместитель директора Института демографии НИУ ВШЭ. Адрес: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3. E-mail: szakharov@hse.ru

П у у р Аллан – доктор наук, профессор-исследователь Эстонского института исследований населения, Таллиннский университет. Адрес: Narva mnt 25, 10120 Tallinn, Estonia.

E-mail: puur@tlu.ee

Р а х н у Лээн – доктор наук, исследователь Эстонского института исследований населения, Таллиннский университет. Адрес: Narva mnt 25, 10120 Tallinn, Estonia. E-mail: rahnu@tlu.ee

С а к к е у с Луулэ – доктор наук, директор Эстонского института исследований населения, Таллиннский университет. Адрес: Narva mnt 25, 10120 Tallinn, Estonia.

E-mail: luule.sakkeus@tlu.ee

смотрена рождаемость среди русского и эстонского населения в Эстонии и этнических русских в России. Результаты исследования показывают, что значимые изменения в репродуктивном поведении относительно рождения первого ребенка произошли среди эстонцев и русских женщин в Эстонии, в то время как поведение русских, проживающих в России, не претерпело значительных изменений. Доля женщин, родивших второго ребенка, значительно возросла среди коренных эстонцев, но, наоборот, снизилась среди русских мигрантов. Вклад рождений в повторных союзах в общее число рождений существенно и в равной мере увеличился как у эстонцев, так и у русских, проживающих в России и в Эстонии. Но репродуктивное поведение русского населения в Эстонии сохраняет общие черты с поведением русского населения в России: доля рождений в незарегистрированных супружеских союзах меньше, а длина интервала между рождениями первых двух очередностей в непрерывном союзе больше, чем у коренного населения в Эстонии. Признаки некоторых изменений в репродуктивном поведении у русских в Эстонии, значительно сближающие их с поведением коренного населения, можно зафиксировать только среди поколений женщин, родившихся после 1970 г.

Ключевые слова: Россия, Эстония, русские мигранты, брак, сожительство, повторные супружеские союзы, рождаемость, первые рождения, повторные рождения, поколения, проект ЕЭК ООН "Поколения и Гендер",

DOI: 10.31857/S086904990000374-3

В первые годы после окончания Второй мировой войны страны Европы столкнулись с большим притоком мигрантов [Castles, de Haas, Miller 2014]. Для большинства стран-реципиентов молодость мигрантов сыграла ключевую роль в поддержании положительного баланса между числом рождений и смертей, а также позволила снизить темпы старения населения. Эти процессы сделали европейское общество более культурно неоднородным, а также обусловили необходимость проведения политики интеграции мигрантов [Coleman 2006; Coleman 2009].

В современной научной литературе существует широкий и постоянно пополняемый пласт научных работ, касающихся различных аспектов жизни мигрантов и их потомков [Adsera, Chiswick 2007; Solé-Auró, Crimmins 2008; Algan, Dustmann, Glick, Manning 2010; Rendall, Tsang, Rubin, Rabinovich, Janta 2010; Safi 2010; Bisin, Patacchini, Verder, Zenou 2011; Crul 2013]. В сфере интересов исследователей находятся и рождаемость среди мигрантов, их потомков, и факторы адаптации репродуктивного поведения мигрантов к поведению коренного населения. Паттерны рождаемости мигрантов – существенный индикатор степени их интеграции в принимающее общество [Coleman 1994]. Исследователями было выявлено, что со временем характеристики рождаемости мигрантов и коренного населения становятся близки, но в то же время различия между разными группами мигрантов продолжают существовать [Garssen, Nicolaas 2008; Scott, Stanfors 2011; Dubuc 2012; Krapf, Wolf 2015].

К объяснению этих различий в современной литературе обозначены несколько подходов. Согласно позиции, получившей название феномена поддержания культурных образцов [Abbasi-Shavazi, McDonald 2002], ценности и нормы деторождения передаются от одного поколения к другому [Barber 2001; Murphy, Knudsen 2002; Kolk 2014], поэтому паттерны рождаемости, наблюдаемые в стране-доноре, могут наблюдаться среди мигрантов и их потомков. Неизменность образцов репродуктивного поведения среди этнических групп находится также в центре внимания гипотезы субкультур [Goldscheider, Uhlenberg 1969; Roberts, Lee 1974]. С другой точки зрения, поддержание культурных образцов тесно связано с социализацией [Andersson 2004; Kulu, Milewski 2007; Milewski 2010]. Процесс усвоения норм и ценностей этнических субкультур рассматривается в европейских исследованиях как причина ограниченного сходства образцов репродуктивного поведения потомков мигрантов и коренного населения [Milewski 2010; Milewski 2011; Dubuc 2012].

Альтернативная точка зрения представлена концепцией механизма адаптации и объясняет, почему репродуктивное поведение мигрантов и коренных жителей страны постепенно сближается [Hervitz 1985; Kulu 2005]. Во главу данной концепции поставлено "на-

стоящее" мигрантов в противоположность их детству. В литературе описаны несколько механизмов адаптации мигрантов к поведению местного населения [Rumbaut, Weeks 1986; Frank, Heuveline 2005]. Во-первых, это социально-экономические условия в принимающей стране, которые влияют на затраты в связи с рождением и воспитанием детей в равной мере для всех групп населения [Becker 1981; Hotz, Klerman, Willis 1997]. Во-вторых, это усвоение мигрантами через социальное взаимодействие норм и ценностей, преобладающих в принимающей стране [Hirshman 1983; Alba 2005]. Концепция адаптации применима и ко второму поколению мигрантов, ибо изменения в поведении могут происходить долго, затрагивая несколько поколений.

Наконец, анализ рождаемости мигрантов должен учитывать селекцию и характеристики мигрантов. Селекция подразумевает, что мигранты обладают рядом характеристик, совокупность которых определяет их репродуктивные установки. Они могут оказаться более близкими к установкам населения страны-реципиента, чем страны-донора. Социально-экономическая структура и культурные установки мигрантов частично или полностью объясняют различия в рождаемости между ними и коренным населением [Bean, Swicegood, Berg 2000; Hill, Johnson 2004; Krapf, Wolf 2015].

Результаты исследований рождаемости среди мигрантов и их потомков подтверждают как концепцию культурной поддержки, так и концепцию адаптации. В ряде работ было выявлено, что равенство уровней рождаемости может быть достигнуто за относительно короткий период после приезда мигрантов в страну-реципиент [Rindfuss 1976; Ford 1990; Mayer, Ripbahn 2000; Andersson 2004]. В то же время постоянство различий в рождаемости между мигрантами и коренным населением подтверждает аргументацию, приводимую в рамках теории культурной поддержки.

По результатам исследований мигранты второго поколения часто занимают срединную позицию, ибо их репродуктивные решения подвергаются влиянию как принимающей среды, в которой проходило их взросление, так и ценностей и норм, которым следуют их родители. Кроме того, интеграция мигрантов второго поколения может быть сама по себе фрагментарным процессом: они могут следовать разным моделям адаптации, различающимся в зависимости от человеческого и социального капитала родителей и способа включения в социальную среду принимающей страны [Zhou 1997; Portes, Fernandez-Kelly, Haller 2009; Haller, Portes, Lynch 2011].

Важен и ряд факторов, способствующих или препятствующих адаптации мигрантами и их потомками образцов репродуктивного поведения коренного населения [Forste, Tienda 1996]. Так, свободное владение языком принимающей страны значимо влияет на снижение рождаемости среди мигрантов, приехавших из стран с высоким уровнем рождаемости в страны с низким уровнем рождаемости [Kahn 1988; Swicegood, Bean, Stephen, Opitz 1988; Kulu, Hannemann 2016]. Для второго поколения мигрантов важно, на каком языке говорят в родительском доме [Pailhé 2015]. Концентрация проживания мигрантов и этнических меньшинств в одном районе способствует следованию нормам поведения страны-донора. Наконец, формирование этнически-смешанных семей мигрантов и коренного населения ведет к более быстрой адаптации мигрантов и в плане репродуктивного поведения [Kahn 1988; Saenz, Hwang, Aquirre 1994; Andersson, Scott 2007; Scott, Stanfors 2011; Stichnoth, Yeter 2013].

Известно, что доля рождений среди мигрантов быстро увеличивалась в большинстве стран Европы, но вопрос о том, оказывает ли это позитивное влияние на суммарные показатели рождаемости в странах-реципиентах, остается открытым [Sobotka 2008; Andersson, Persson 2015]. Изучение рождаемости среди мигрантов и их потомков позволяет оценить вклад различных факторов в уровень рождаемости и понять, как экономические и культурные факторы влияют на принятие решения о рождении ребенка.

В настоящей статье будет проанализирована рождаемость нескольких поколений женщин – русских мигрантов в Эстонии (их приток после включения Эстонии в СССР был значителен) в сравнении с коренным населением Эстонии и русским населением в России. Рождаемость среди русских мигрантов в Эстонии представляет интерес, во-пер-

вых, потому что Россия и Эстония находились по разные стороны известной линии Хайнала¹ и следовали разным исторически сложившимся паттернам брачности и рождаемости. Во-вторых, население Эстонии после 1940 г. было вынуждено следовать как формальным законам СССР, которые в значительной мере контролировали поведение индивидов, так и столкнулось с более строгим общественным контролем над личной жизнью и возможностью принятия решений.

Кроме того, в статье будет рассмотрена рождаемость в разрезе первых и повторных союзов. Как известно, структурные и культурные изменения в экономически развитых обществах, начавшиеся в 1960-е гг. в Западной Европе, повлекли за собой изменение институтов семьи и брака. Эффективный контроль за рождаемостью, увеличение сексуальной свободы, рост разводов, распространение сожительства и партнерств без совместного проживания, рост доли внебрачных рождений, стремление женщин к финансовой независимости и равному распределению обязанностей в семье стали маркерами второго демографического перехода и новых моделей семейных отношений в развитых странах [Lesthaeghe 2010]. Хотя по всем признакам начало второго демографического перехода в России и бывших прибалтийских советских республиках было отложено на середину 1980-х – начало 1990-х гг., проводимые в советский период исследования показывали высокую фактическую нестабильность браков в СССР [Демографическая... 2006, с. 74–95; 127–136].

Нестабильность брачных союзов и высокий риск разводов (распада семьи) компенсируются возможностью вступления в новый супружеский союз. Материнство и отцовство перестали быть детерминированным вступлением в первый брак, в то же время распад первого супружеского союза увеличивает вероятность бездетности и потенциально может снижать вероятность рождения детей последующих очередностей. Однако современные исследования показывают, что на макроуровне разводимость и рождаемость не взаимосвязаны столь однозначно [Billari, Kohler 2004] и часть нереализованных по причине распада брачно-партнерского союза рождений в дальнейшем компенсируется в повторных союзах [Vikat, Thomson, Hoem 1999; Prskawetz, Vikat, Philipov, Engelhardt 2003; Henz, Thomson 2005; Beaujouan, Solaz 2008; Thomson, Winkler-Dworak, Spielauer, Prskawetz 2009; Захаров, Чурилова, Агаджанян 2016]. Отсутствие у обоих партнеров ребенка от предыдущих брачно-партнерских отношений увеличивает шансы на его рождение во вновь образовавшемся союзе [Murinkó, Szalma 2016]. Таким образом, мы ставим и задачу показать, как у женщин от поколения к поколению менялся вклад повторных союзов в рождаемость детей первой и второй очередности среди русского населения в России, среди русских мигрантов первого и второго поколений и эстонцев в Эстонии.

Матримониальное и репродуктивное поведение населения Эстонии и России

Общий советский период России и Эстонии длился с 1940 г. по 1991 г. Несмотря на исторически разные типы брачности, сохранявшиеся и в XIX в., и в первых десятилетиях XX в. (поздний и не всеобщий тип в Эстонии, ранний и всеобщий – в России), следование общему советскому укладу и единым законам привело Эстонию к сильному омоложению брачности и снижению доли окончательно безбрачных [Katus, Puur, Sakkeus

¹ Воображаемая линия, соединяющая итальянский Триест и российский Санкт-Петербург. В традиционных обществах (до начала второго демографического перехода), находящихся западнее и севернее этой линии, наблюдался весьма поздний брак и высокая распространенность безбрачия для женщин и мужчин, в то время как к югу и востоку от этой линии преобладал более ранний брак и очень низкая доля никогда не состоявших в браке (универсальная модель брачности). Данная закономерность на обширных исторических данных была впервые выявлена Дж. Хайналом в 1960-х гг. [Hajnal 1965] и затем многократно подтверждалась другими исследователями, постепенно закрепившись в специальной литературе, в том числе в русскоязычной, под термином "линия Хайнала/Хаджнала".

2008]². Как и Россия, Эстония в 1970–1980-х гг. характеризовалась ранней и всеобщей брачностью, а также снижением среднего возраста рождения первого ребенка.

Таблица 1

Коэффициент суммарной рождаемости в России и Эстонии у русского и эстонского населения, проживающего в городской и сельской местности России, Эстонии и на всем пространстве бывшего СССР (1988–1989 гг.)

Страна/ Население	Коэффициент суммарной рождаемости
Россия	2,068
Городское население	1,888
Сельское население	2,688
Эстония	2,233
Городское население	2,061
Сельское население	2,739
Русские в СССР	1,934
Городское население	1,835
Сельское население	2,404
Русские в России	1,955
Городское население	1,832
Сельское население	2,496
Русские в Эстонии	2,008
Городское население	1,978
Сельское население	2,393
Эстонцы в СССР	2,348
Городское население	2,106
Сельское население	2,788
Эстонцы в Эстонии	2,368
Городское население	2,131
Сельское население	2,787

Источники: Демографический ежегодник 1991. Межгосударственный статистический комитет стран СНГ. М.: 1991, с. 410–411; [Andreev, Darsky 1992], а также неопубликованные расчетные данные, выполненные Е. Андреевым и Л. Дарским и любезно предоставленные авторам Е. Андреевым.

В последние годы существования СССР центральным статистическим органом страны было выполнено большое сравнительное исследование этнодемографических различий, на основании которого можно судить о степени социально-демографической интеграции народов страны и ее отдельных республик. В его основу легли официальные данные сплошного учета браков, рождений, смертей за 1988–1989 гг., а также данные Всесоюзной переписи населения 1989 г. К сожалению, далеко не все результаты этого исследования были в свое время должным образом опубликованы и осмыслены специали-

² Справедливости ради заметим, что тенденция к омоложению возрастных профилей брачности и рождаемости наблюдалась в 1950-х и 1960-х гг. в большинстве стран Запада. Не обсуждая здесь причины общих изменений в разных социально-экономических контекстах, стоит подчеркнуть, что, по сравнению с западными обществами, советская система и сходные социально-экономические условия в восточноевропейских странах привели к более выраженному и более длительно продолжавшемуся снижению возраста заключения брака и деторождения.

стами и политиками. В таблицах 1 и 2 приводятся некоторые данные из этого исследования (часть впервые публикуется на русском языке, часть – не публиковалась вовсе). Из них, в частности, следует, что уровень рождаемости русских в Эстонии представлял собой некую среднюю величину из показателей для русского населения за пределами Эстонии и эстонцами в Эстонии. Причем эстонцы, проживающие и в городской, и в сельской местности Эстонии, демонстрировали существенно более высокую рождаемость, чем русские, а все население Эстонии имело более высокие показатели суммарной рождаемости, чем все жители России (см. табл. 1).

Также очевидно, что русские, проживавшие в Эстонии, характеризовались одними из самых низких показателей ассимиляции и интеграции, по сравнению с русскими, проживавшими в других республиках бывшего СССР. Так, по доле детей, рожденных русской матерью в межэтнических браках, Эстонию опережали все республики, кроме Киргизии, и, естественно, самой России, что было неизбежным следствием низкой распространенности браков между русскими и эстонцами (см. табл. 2).

Таблица 2

Некоторые индикаторы брачной ассимиляции русских в республиках бывшего СССР (1988–1989 гг.)

Республика*	Процент детей, рожденных русской матерью от нерусского отца	Процент браков русских с партнерами другой национальности		Распределение брачных пар среди русских в зависимости от того, являются ли один или оба партнера русскими		
		Мужчины	Женщины	Оба брачных партнера русские	Только муж русский	Только жена русская
Россия	10,4	9,8	11,1	87,3	5,3	7,4
Киргизия	21,5	19,4	23,0	72,3	12,2	15,5
Эстония	26,0	24,0	27,2	61,8	15,7	22,5
Казахстан	27,1	24,3	27,1	68,4	13,4	18,2
Узбекистан	29,9	24,0	29,6	69,9	10,0	20,1
Таджикистан	32,0	26,0	31,9	64,9	11,2	23,9
Туркменистан	33,5	27,2	34,9	66,2	9,9	23,9
Латвия	34,8	37,1	37,5	55,1	20,5	24,4
Азербайджан	37,2	24,6	40,3	65,9	7,5	26,6
Литва	50,8	56,5	51,7	43,6	27,2	29,2
Грузия	52,9	17,7	40,3	53,8	11,7	34,5
Украина	54,0	57,2	56,7	38,4	31,2	30,4
Молдавия	60,3	61,9	59,9	37,4	28,8	33,8
Армения	66,5	-	-	40,8	9,3	49,9
Белоруссия	69,8	74,5	73,4	25,4	39,9	34,7

*Республики указаны в порядке возрастания доли детей, рожденных русской матерью в этнически смешанных парах.

Источник: [Andreev, Darsky 1992].

Политические и экономические перемены, сопровождавшие крушение социализма и распад СССР, запустили процесс деинституционализации семьи и брака. Эстония очень быстро вступила на путь второго демографического перехода: произошел чрезвычайно быстрый рост доли незарегистрированных сожительства, в том числе среди первых брач-

но-партнерских союзов, увеличилась доля рождений вне официального брака до уровня стран с самыми высокими показателями в мире, начался рост средних возрастов рождения ребенка и заключения брака [Katus, Puur, Põldma, Sakkeus 2009; Puur, Rahnu, Maslauskaite, Stankuniene, Zakharov 2012].

Маркеры второго демографического перехода стали появляться в начале 1990-х гг. и в постсоветской России [Zakharov 2008], но сожительства хотя и получили значительное распространение, все же пока не достигли столь высоких масштабов, как в Эстонии, и, видимо, еще не стали массовой альтернативой браку, как в западных странах [Артамонова, Митрофанова 2016]. Так, доля рождений вне официального брака, увеличившись более чем в два раза и достигнув в середине 2000-х гг. максимума в 30% от общего числа рождений, затем начала медленно снижаться (в 2015 г. она составила 21,8%). Это весьма необычно для современных развитых стран и может сигнализировать о торможении модернизации модели брака и рождаемости в России.

Доля русских в населении Эстонии сильно увеличивалась в послевоенный период: с 3% в 1945 г. до 20,1% в 1959 г. и 30,3% в 1989 г. [Haug, Compton, Courbage 2000; Фурман, Задорожнюк 2004]. Несмотря на значительную трансформацию в 1980–1990-х гг. матримониального и репродуктивного поведения всех жителей Эстонии в одном направлении, демографическое поведение двух основных этнических групп населения Эстонии – эстонцев и русских – по-прежнему существенно различается. В первую очередь речь идет о предпочтении брака как формы совместного проживания. Русские мигранты первого и второго поколения (и мужчины, и женщины) в 1,5–2 раза чаще начинают партнерский союз с брака, чем с сожительства, чаще заключают брак после некоторого времени проживания с партнером в незарегистрированном союзе. Среди повторных союзов у представителей русской диаспоры обоего пола также преобладает официальный брак. Однако вступление в повторный брачно-партнерский союз – событие более редкое для русских мужчин и женщин из второго поколения мигрантов, чем для эстонцев и первого поколения мигрантов. Первый партнерский союз среди мужчин-мигрантов первого поколения распадается реже, чем среди коренного населения, а среди мигрантов второго поколения – чаще. В то же время, как показывает детальный анализ, различия в вероятности распада брачных союзов между русскими и коренными эстонцами в Эстонии относительно малы и во многих моделях статистически незначимы [Rahnu, Puur, Sakkeus, Klesment 2015].

В 1971–1991 гг. медианный возраст зачатия первого ребенка среди женщин, родившихся в Эстонии и за ее пределами, значимо не отличался. Однако в 1990–2000-е гг. эта разница составила 1,6 г. [Billingsley, Puur, Sakkeus 2014]. Доля внебрачных зачатий еще в середине 1990-х гг. среди эстонцев достигала 80%, и почти половина всех детей рождались вне брака, в то же время среди русских в два раза меньше матерей оставались незамужними к моменту рождения ребенка [Katus, Puur, Sakkeus 2000].

Адаптация русских мигрантов, приехавших в Эстонию в советский период, проходила довольно медленно. В то же время нельзя не отметить, что после обретения независимости началось быстрое улучшение ситуации. Так, если в 1989 г., по данным переписи населения, лишь 14% русских декларировали хорошее знание эстонского языка, то согласно результатам переписи 2011 г. – почти в три раза больше, а среди двадцатилетней молодежи этот показатель достиг 70% [ESA 2016]. Специальное исследование интеграции русского населения на эстонском рынке труда также показывает, что молодежь с родным русским языком и хорошим знанием эстонского не имеет значительных отличий от эстонцев в успешности поиска работы и ключевых характеристиках занятости [Lindermann 2013].

Результаты новейшего сравнительного исследования репродуктивного поведения доказывают, что русские мигранты в Эстонии сохраняют в своих практиках большую близость с русским населением в России, и в частности демонстрируют более низкую вероятность рождения вторых и третьих детей в семьях, чем эстонцы. Эта закономерность сохраняется и среди мигрантов второго поколения. В то же время распространение эстонско-русского двуязычия, более широкая вовлеченность в обучение в эстонских шко-

лах и проживание в местах с этнически смешанным населением ассоциируется с конвергенцией репродуктивного поведения и показателей рождаемости русских и эстонцев. Это свидетельствует в пользу большей значимости культурных различий и адаптационных перспектив, чем в пользу теорий социокультурной и экономической селективности мигрантов (см. [Puur, Rahnu, Abuladze, Sakkeus, Zakharov 2017]).

Данные исследования

В статье использованы данные первой волны международного исследовательского проекта сравнительных исследований программы "Поколения и гендер" ("Generation and Gender Survey"), который координируется ЕЭК ООН (см. <http://www.unecsc.org/population/ggp.html>; <http://www.ggp-i.org/about>). Получена возможность изучения брачно-партнерских, репродуктивных биографий мужчин и женщин, социально-экономических характеристик и ценностных ориентаций населения. В настоящее время, как минимум, одна волна исследования проведена в 19 странах. Оно проводится по единой методологии, что позволяет делать международные сопоставления.

Первое исследование в рамках программы "Поколения и гендер" в России было проведено в 2004 г. (выборка – 11 261 мужчин и женщин 1923 – 1986 г. рождения); в Эстонии – в 2004–2005 гг. с опросом 7855 мужчин и женщин, родившихся в период с 1924 по 1983 г.

Таблица 3

Число респондентов в разрезе исследуемых совокупностей и поколений женщин

Годы рождения	Русские в России	Русские в Эстонии		Эстонки
		<i>Всего</i>	<i>Из них мигранты первого поколения</i>	
1924–1929	379	95	82	226
1924–1939	922	235	211	517
1940–1949	790	204	160	522
1950–1959	1227	301	180	561
1960–1969	995	230	102	595
1970–1979	943	220	33	650
1980–1986	539	106	8	229
Всего	5795	1391	776	3300

С целью изучения различий в паттернах рождаемости в повторных союзах между русскими и эстонцами были выделены три группы: русские (проживающие в России), эстонцы (проживающие в Эстонии), русские мигранты в Эстонии. Разделение респондентов по группам было сделано на основе ответа на вопрос о самоопределении своей национальности. К русским мигрантам, проживающим в Эстонии, были отнесены мигранты первого и второго поколений. Мигранты первого поколения определили себя как русские и указали, что они родились не в Эстонии. К русским мигрантам второго поколения были отнесены потомки мигрантов, то есть респонденты, указавшие, что они русские, а их родители (или один из родителей) переехали в Эстонию. Поколения русских в Эстонии 1924–1959 гг. рождения – это преимущественно мигранты первого поколения. Большая часть респондентов из поколений 1970–1986 гг. – мигранты второго поколения. Кроме того, в подвыборку респондентов, необходимую для анализа, были отобраны только женщины. Таким образом, общее число респондентов, отобранных для проведения анализа рождаемости, составило 5795 русских женщин в России, 3300 эстонских женщин, 1391 русских женщин в Эстонии, из которых 776 относятся к мигрантам первого поколения (см. табл. 3).

В данной статье мы сосредоточились на изучении первых и вторых рождений, так как рождения третьей и последующей очередностей мало распространены и в России, и в Эстонии. Число рождений в каждой из исследуемых женских когорт приведено в таблице 4.

В настоящей работе мы представляем **результаты анализа** наступления событий (рождения ребенка первой и второй очередности), проведенного с помощью метода Каплан-Майера, и описательные результаты исследования, такие как доля рождений первой и второй очередности в первом и повторном союзах, средний возраст матери при рождении ребенка в первом и повторном союзах, средний интервал между рождениями первой и второй очередности в случае второго рождения в союзе с отцом первого ребенка и в союзе с новым партнером в разрезе поколений женщин 1924–1986 гг. рождения и трех исследуемых совокупностей населения: русских в России, русских мигрантов и их потомков в Эстонии и эстонцев в Эстонии.

Таблица 4

Число рождений в разрезе исследуемых совокупностей и поколений женщин

Годы рождения	Русские в России	Русские в Эстонии	Эстонки
<i>Рождения первой очередности</i>			
1924–1929	314	82	189
1930–1939	845	217	463
1940–1949	712	190	478
1950–1959	1138	278	530
1960–1969	921	215	548
1970–1979	777	162	459
1980–1986	149	31	74
Всего	4856	1175	2741
<i>Рождения второй очередности</i>			
1924–1929	218	62	131
1930–1939	539	149	327
1940–1949	430	131	361
1950–1959	748	194	413
1960–1969	520	116	428
1970–1979	248	58	257
1980–1986*	10	7	16
Всего	2713	717	1933

Примечание: * далее в анализе рождений второй очередности не учитываются поколения женщин 1980–1986 гг. рождения ввиду малого числа появлений детей.

Рождения детей первой очередности

На рисунке 1 представлены функции дожития, которые отражают накопленную долю женщин, родивших первого ребенка в женских когортах среди русских и эстонок, проживающих в Эстонии, и русских в России. Оценки, представленные для эстонок из различных поколений, отчетливо показывают изменения как в репродуктивном поведении, так и в календаре. Поколения эстонок, родившиеся до 1930 г., демонстрируют рождаемость в рамках исторически сложившегося паттерна, характеризующегося высокой долей окончательно бездетных к концу репродуктивного периода и более высоким возрастом рождения первенца. Поколения женщин 1930–1960-х гг. рождения были вынуждены следовать паттерну рождаемости, характерному для европейской части

России: доля окончательно бездетных невысока, основная доля первых рождений сконцентрирована среди матерей в возрасте до 25 лет. Тем не менее поколения эстонских женщин, родившиеся в 1970 г. и позже (их первые матримониальные и репродуктивные события пришлось на период после распада СССР), очень быстро и резко изменили свое репродуктивное поведение: очевиден резкий рост среднего возраста рождения первого ребенка.

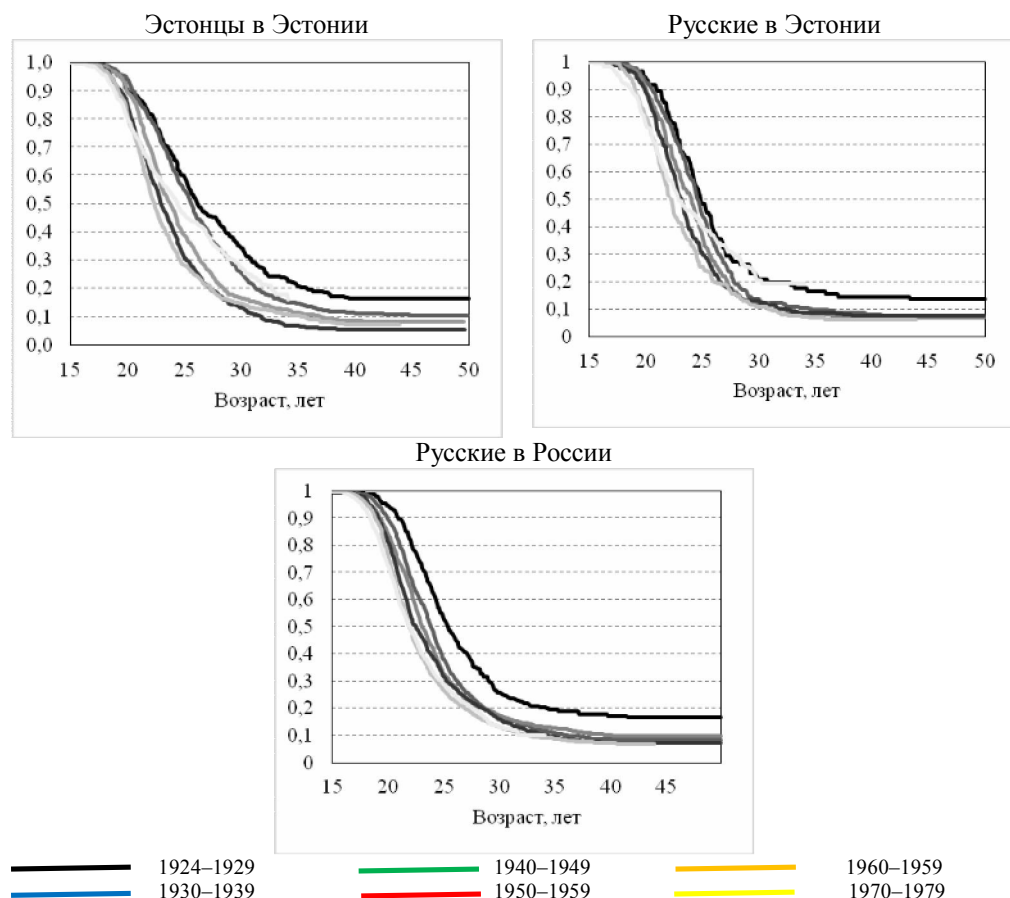

Рис. 1. Функции дожития, отражающие накопленные доли женщин, родивших первого ребенка в репродуктивном возрасте, в женских когортах среди эстонцев в Эстонии, русских в Эстонии и русских в России (модель Каплан-Майера).

Поведение русских женщин-мигранток в Эстонии из первых поколений мигрантов наиболее близко к поведению русских в России. Только для женщин, родившихся до 1930 г., характерна более высокая, чем для последующих поколений, доля окончательно бездетных. Поколения, родившиеся после 1970 г. и состоящие преимущественно из мигрантов второго поколения, демонстрируют изменения в репродуктивном поведении, схожие с теми, которые видим для коренных эстонок. Русские женщины, проживающие в России, демонстрируют практически полную неизменность репродуктивного поведения: значимые различия между когортами женщин разных годов рождения отсутствуют.

В таблице 5 представлено распределение первых рождений по порядковому номеру брачно-партнерского союза, а также доля родившихся вне брачно-партнерских союзов (у одиноких материей)³ по поколениям женщин. Большая часть первых рождений и среди русских в России, и среди русских в Эстонии, и среди эстонок происходит в первом брачно-партнерском союзе. Однако от поколения к поколению у всех выделенных групп женщин нарастает доля первых рождений в повторных союзах (см. табл. 6). Но если в поколениях женщин 1924–1969 гг. рождения нет значимых отличий в доле первых рождений в повторных союзах у эстонок и русских (проживающих и в России, и в Эстонии), то в поколениях 1970–1979 и 1980–1986 гг. рождения среди эстонок в два раза большая доля первенцев рождена в повторном союзе. Русские женщины, проживающие в Эстонии, из этих поколений демонстрируют близкую к эстонкам долю первенцев, родившихся в союзе со вторым или последующим партнером. Хотя справедливости ради следует заметить, что самые молодые поколения в силу своего возраста еще не завершили свою матримониальную и репродуктивную карьеру, и окончательные выводы о существенности этнических различий по этому показателю делать преждевременно.

Второе отличие русских в Эстонии от русских в России и эстонок состоит в существенно более низкой доле первых рождений вне брачно-партнерского союза в поколениях женщин 1924–1969 гг. рождения. Близкие показатели только у наиболее молодых поколений русских в Эстонии (1970–1986 гг. рождения). О причинах выявленных различий мы сегодня однозначно ответить не можем. Возможно, русские женщины в Эстонии, воспитывающие в одиночку детей, могут рассчитывать на меньшую поддержку со стороны родителей, родственников и друзей, а потому и с меньшей частотой решаются на рождение ребенка вне брака. Возможно также, что русское меньшинство разделяет более консервативные взгляды на брачно-семейные отношения, чем эстонки и русские в России, что, правда, представляется менее вероятным.

Таблица 5

Доля первых рождений по очередности союза и вне союза по поколениям женщин (в %)

Годы рождения женщин	Русские в России				Русские в Эстонии				Эстонки			
	Первый союз	Второй союз	Третий союз	Вне союза	Первый союз	Второй союз	Третий союз	Вне союза	Первый союз	Второй союз	Третий союз	Вне союза
1924–1929	84,0	1,0	0,0	15,0	95,1	1,2	0,0	3,7	86,0	1,6	0,0	12,4
1930–1939	82,8	2,0	0,1	15,2	94,9	1,4	0,0	3,7	90,0	1,5	0,0	8,4
1940–1949	85,7	2,6	0,0	11,8	92,6	2,1	0,0	5,3	89,3	2,1	0,0	8,6
1950–1959	87,1	3,0	0,2	9,8	93,8	1,5	0,0	4,7	84,0	2,3	0,0	13,8
1960–1969	87,3	2,8	0,3	9,6	92,9	3,8	0,0	3,3	83,0	2,6	0,0	14,4
1970–1979*	83,9	3,7	0,1	12,3	84,4	4,4	1,9	9,4	80,5	6,4	1,1	12,1
1980–1986*	80,1	2,9	0,7	16,2	83,3	6,7	0,0	10,0	81,1	5,4	0,0	13,5

* Здесь и далее – предварительные оценки, так как поколения еще не вышли из репродуктивного возраста.

Источник: здесь и далее – расчеты авторов на основе данных первой волны исследования "Поколения и гендер".

³ Такие рождения были классифицированы на основе ответов респонденток об отсутствии устойчивого союза с совместным проживанием партнеров на протяжении не менее трех месяцев подряд.

Таблица 6

**Доля рождений первой очередности в первом и повторном союзе
по поколениям женщин (в %)**

Годы рождения женщин	Русские в России		Русские в Эстонии		Эстонцы в Эстонии	
	Первый союз	Повторный союз	Первый союз	Повторный союз	Первый союз	Повторный союз
1924–1929	98,8	1,2	98,7	1,3	98,2	1,8
1930–1939	97,6	2,4	98,6	1,4	98,3	1,7
1940–1949	97,1	2,9	97,8	2,2	97,7	2,3
1950–1959	96,5	3,5	98,5	1,5	97,4	2,6
1960–1969	96,5	3,5	96,1	3,9	97,0	3,0
1970–1979*	95,7	4,3	93,1	6,9	91,5	8,5
1980–1986*	95,6	4,4	92,6	7,4	93,8	6,3

У поколений женщин, чей основной репродуктивный период совпал с советским временем, первые рождения в большинстве своем состоялись в браке (см. табл. 7). Среди эстонских женщин, начиная с поколений 1960-х гг. рождения, стала распространяться практика рождения детей в незарегистрированном союзе. Среди русских женщин, родившихся в те же годы, как в России, так и в Эстонии, первые рождения в сожительстве оставались редкими. Однако следующие поколения русских в Эстонии уже демонстрируют большую долю первенцев, рожденных в партнерстве, чем русские в России.

Таблица 7

**Доля рождений первой очередности в браке и в сожительстве
по очередности союза и по поколениям женщин (в %)**

Годы рождения женщин	Русские в России		Русские в Эстонии		Эстонцы в Эстонии	
	Брак	Соительство	Брак	Соительство	Брак	Соительство
<i>Первые рождения в первом союзе</i>						
1924–1929	89,3	10,7	91,0	9,0	90,0	10,0
1930–1939	92,0	8,0	94,7	5,3	90,9	9,1
1940–1949	92,4	7,6	93,7	6,3	89,9	10,1
1950–1959	91,2	8,8	95,3	4,7	85,8	14,2
1960–1969	90,2	9,8	91,3	8,7	70,6	29,4
1970–1979*	86,5	13,5	76,3	23,7	44,5	55,5
1980–1986*	74,1	25,9	60,0	40,0	23,3	76,7
<i>Первые рождения в повторном союзе</i>						
1924–1929	100,0	0,0	_**	_**	100,0	0,0
1930–1939	68,8	31,3	_**	_**	71,4	28,6
1940–1949	61,1	38,9	_**	_**	70,0	30,0
1950–1959	74,3	25,7	_**	_**	58,3	41,7
1960–1969*	64,3	35,7	_**	_**	28,6	71,4
1970–1979*	51,7	48,3	_**	_**	35,3	64,7

** – недостаточно наблюдений для оценки показателя раздельно по поколениям.

Рождения первенцев в повторных незарегистрированных союзах во всех поколениях женщин, кроме 1924–1929 гг. рождения, были чаще распространены, чем в первых неофициальных союзах и в России, и в Эстонии. Однако если и русские, и эстонки из поколений 1930–1949 гг. практически с одинаковой частотой при рождении первенца в повторном союзе не состояли в зарегистрированном браке с отцом ребенка, то, начиная с поколений женщин 1950-х гг., отсутствие регистрации брака с отцом ребенка среди эстонок, в отличие от русских, приняло массовый характер.

Средний возраст матери при рождении первого ребенка в повторном союзе ожидаемо выше, чем при рождении в первом (см. табл. 8). Разница в среднем возрасте рождения первого ребенка между женщинами, реализовавшими и не реализовавшими первое рождение в первом союзе, составляет 5–6 лет среди русских в России и эстонцев в поколениях 1930–1969 гг. рождения. Отметим, что разница в среднем возрасте рождения первенца снижалась среди этих двух групп населения от одного поколения к другому: так, в поколении женщин 1930–1939 гг. она составляет 5,9 лет среди русских в России и 6,3 лет среди эстонцев, в поколении 1960–1969 гг. – 5,0 лет и 5,1 года, соответственно.

Таблица 8

Средний возраст матери при рождении первого ребенка по поколениям женщин (лет)

Годы рождения женщин	Русские в России		Русские в Эстонии		Эстонцы в Эстонии	
	Первый союз	Повторный союз	Первый союз	Повторный союз	Первый союз	Повторный союз
1924–1929	25,3 (0,25)	25,4 (3,6)	25,1 (0,48)	32,8 (-)	26,0 (0,38)	28,9 (1,86)
1930–1939	24,3 (0,15)	30,9 (1,48)	24,7 (0,25)	26,6 (0,8)	25,6 (0,21)	31,9 (2,74)
1940–1949	23,5 (0,16)	30,2 (1,42)	23,9 (0,25)	28,3 (2,09)	24,2 (0,20)	30,1 (1,34)
1950–1959	23,3 (0,13)	28,7 (0,79)	23,2 (0,19)	33,9 (2,69)	23,5 (0,17)	29,0 (1,41)
1960–1969	22,4 (0,13)	27,7 (1,00)	22,6 (0,24)	26,4 (0,76)	22,8 (0,17)	27,9 (1,00)
1970–1979*	21,6 (0,11)	24,0 (0,42)	22,0 (0,26)	25,3 (1,11)	22,6 (0,18)	26,5 (0,63)

Примечание: в скобках указана стандартная ошибка среднего.

Рождения детей второй очередности

Среди родивших первого ребенка вторые дети появились более чем у 60–69% русских женщин в России и Эстонии и 70–78% у эстонок из поколений 1924–1959 гг. рождения, чей репродуктивный период был полностью завершен на момент проведения опроса. На рисунке 2 представлены функции дожития, которые отражают накопленную долю женщин, родивших второго ребенка (среди ранее родивших первого), в женских когортах среди русских и эстонок, проживающих в Эстонии, и русских в России (оценки также получены с использованием метода Каплан-Майера).

В поколениях эстонок 1924–1929 и 1930–1939 гг. рождения наблюдается наименьшая доля женщин, родивших второго ребенка после рождения первенца. Для последующих поколений характерно увеличение доли женщин, реализовавших вторые рождения. При этом распределение рождений по времени, прошедшему с рождения первенца, для женщин из когорт 1940-х, 1950-х и 1960-х гг. рождения значимо не отличается. А у поколения матерей 1970-х гг. рождения наблюдается меньшая доля вторых детей, рожденных в интервале от 0 до 5 лет после рождения первого ребенка, и большая доля детей, рожденных в интервале от 5 до 10 лет после появления первенца.

Среди русских женщин-мигранток в Эстонии, в отличие от коренного населения, наибольшая доля родивших второго ребенка наблюдалась среди самых старших поколений 1924–1929 гг. рождения. Для женщин из когорт 1930-х, 1940-х и 1950-х гг. рождения характерна равная итоговая доля тех, кто родили второго ребенка, различия в кален-

даре рождения также отсутствуют. Женщины, рожденные в 1960-е гг. (среди них уже больше мигранток второго поколения, чем первого), демонстрируют еще большее снижение вероятности второго рождения, при этом доля рождений в первые пять лет после рождения первенца значимо не отличается от показателей у предыдущих поколений женщин, а вот доля вторых рождений по прошествии 5–10 лет после рождения первенца значительно уменьшилась. Молодые поколения женщин 1970-х гг. рождения в еще большей степени, чем предыдущие поколения, поменяли свое поведение в сторону снижения вероятности рождения второго ребенка.

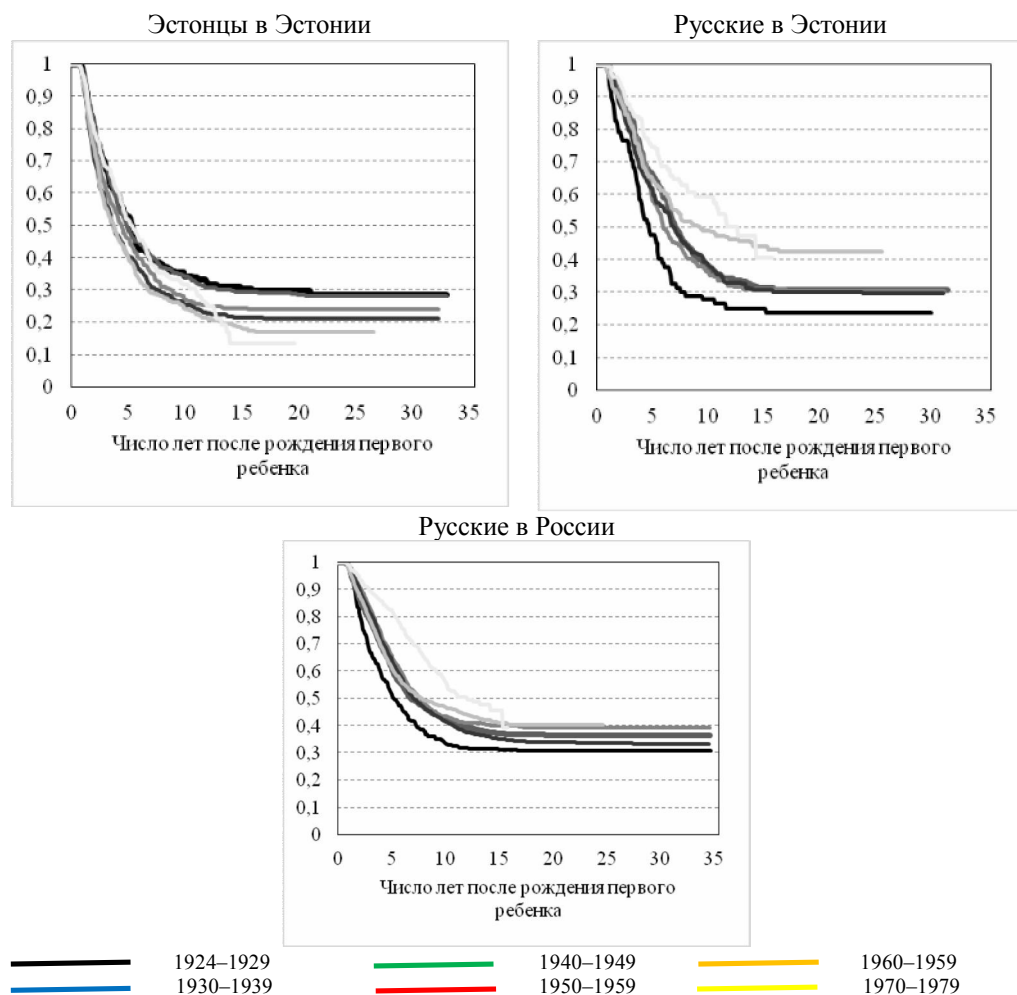

Рис. 2. Функции дожития, отражающие накопленные доли женщин, родивших второго ребенка после рождения первого, в женских когортах среди эстонцев в Эстонии, русских в Эстонии и русских в России (модель Каплан-Майера).

Среди русских женщин в России также наблюдается уменьшение доли родивших второго ребенка от более старших когорт к младшим. Исключение – поколение женщин 1950–1959 гг. рождения, среди которых доля родивших второго ребенка оказалась выше, чем среди женщин, рожденных в предыдущие два десятилетия. Поколения женщин 1970-х гг. рождения также демонстрируют изменения в поведении относительно роже-

ния второго ребенка, но с точки зрения скорее увеличения интервала между первым и вторым рождением, чем сильного снижения вероятности рождения.

В таблицах 9 и 10 показан вклад повторных союзов в общее число вторых рождений. Интересно отметить низкие величины и отсутствие очевидных тенденций к росту доли вторых рождений, случившихся вне брачно-партнерского союза, среди молодых поколений всех трех анализируемых этносоциальных групп (см. табл. 9). Доля вторых рождений в повторных союзах демонстрирует тенденцию к росту и у русских, и у эстонцев, а русские в России оказываются лидерами в этом процессе. В поколениях 1924–1929 гг. рождения она составляла 13,8% среди русских в России, 6,5% среди русских в Эстонии и 11,5% среди эстонцев. В поколениях женщин 1970–1979 гг. рождения эта доля достигает 24,5, 17,5 и 17,4%, соответственно. Существенная разница между русскими и эстонками по доле вторых рождений в повторных союзах наблюдалась в поколениях женщин 1940-х и 1950-х гг. рождения. В молодых поколениях различия сглаживаются: они не наблюдаются в поколениях 1960–1979 гг. рождения.

Таблица 9

**Доля вторых рождений по очередности союза и вне союза
по поколениям женщин (в %)**

Годы рождения женщин	Русские в России				Русские в Эстонии				Эстонцы в Эстонии			
	Первый союз	Второй союз	Третий союз	Вне союза	Первый союз	Второй союз	Третий союз	Вне союза	Первый союз	Второй союз	Третий союз	Вне союза
1924–1929	86,2	3,9	0,0	9,9	93,5	6,5	0,0	0,0	88,5	6,2	0,0	5,4
1930–1939	84,4	5,2	0,2	10,2	90,6	7,4	0,0	2,0	87,4	10,1	0,3	2,1
1940–1949	82,2	10,2	0,0	7,6	84,7	13,0	0,8	1,5	89,5	7,8	0,8	1,9
1950–1959	77,8	14,8	0,7	6,7	78,8	17,6	1,0	2,6	85,5	10,6	0,5	3,4
1960–1969*	82,4	14,5	1,2	2,0	80,7	16,7	1,8	0,9	84,5	11,7	0,0	3,8
1970–1979*	75,5	21,2	1,2	2,1	82,5	12,3	1,8	3,5	82,6	13,4	2,0	2,0

Таблица 10

**Доля рождений второй очередности в первом и повторном союзе
по поколениям женщин (в %)**

Годы рождения женщин	Русские в России		Русские в Эстонии		Эстонцы в Эстонии	
	Первый союз	Повторный союз	Первый союз	Повторный союз	Первый союз	Повторный союз
1924–1929	86,2	13,8	93,5	6,5	88,5	11,5
1930–1939	84,4	15,6	90,6	9,4	87,4	12,6
1940–1949	82,2	17,8	84,7	15,3	89,5	10,5
1950–1959	77,8	22,2	78,8	21,2	85,5	14,5
1960–1969*	82,4	17,6	80,7	19,3	84,5	15,5
1970–1979*	75,5	24,5	82,5	17,5	82,6	17,4

Вторые дети в повторных союзах преимущественно рождаются в официальном браке, но все же значительно чаще в сожительставах, по сравнению с первыми рождениями в повторных союзах (см. табл. 11).

Таблица 11

**Доля рождений второй очередности в повторных союзах
по типу союза и поколениям женщин (в %)**

Годы рождения Женщин	Русские в России		Русские в Эстонии		Эстонцы в Эстонии	
	Брак	Сожительство	Брак	Сожительство	Брак	Сожительство
1930–1939	77,8*	22,2*	72,7*	27,3*	73,5	26,5
1940–1949	66,7	33,3	88,9*	11,1*	74,2	25,8
1950–1959	76,8	23,2	77,8	22,2	66,7	33,3
1960–1969	70,9	29,1	76,2*	23,8*	34,0	66,0
1970–1979	64,2	35,8	75,0*	25,0*	21,1	78,9

*– оценки при N менее 30 человек.

Среди эстонских женщин из поколений 1960–1979 гг. рождения вторые рождения в повторных союзах, являющихся сожительствами, также встречаются в два раза чаще, чем среди русских женщин в России. Число событий, зафиксированных в ходе исследования у русских женщин в Эстонии, не позволяет делать какие-либо статистические выводы, но предположительно, устойчивой тенденции увеличения доли вторых рождений в незарегистрированных повторных браках у них не наблюдается.

Средний интервал между рождениями

Средний интервал между первым и вторым рождениями позволяет оценить, как расставание с партнером влияет на интервал между двумя рождениями. В таблице 12 представлен средний интервал между первым и вторым рождениями: а) у женщин, которые родили обоих детей в непрерывном первом союзе; б) у женщин, которые родили детей в союзах разной очередности; в) у женщин, родивших одного или обоих детей вне супружеского союза. Среди эстонок среднее число лет между первым и вторым рождениями в непрерывном союзе во всех поколениях женщин составляет 3,1–3,8 года. Во всех поколениях женщин 1930–1979 гг. рождения это на 1–1,7 года меньше, чем среди русских женщин, проживающих в России. Русские мигранты в Эстонии придерживаются такого же интервала между рождениями, что и их соотечественницы в России. Распад союза, в котором родился первый ребенок, сильно увеличивает время до второго рождения во всех трех рассматриваемых группах. Средний интервал между рождениями в случае повторного вступления в супружеский союз с новым партнером составляет 7,5–8 лет как среди эстонок, так и среди русских в России и в Эстонии. Но, учитывая более сжатые сроки рождения детей в репродуктивном сценарии эстонских женщин, распад супружеского союза удлиняет для эстонок период ожидания рождения второго ребенка на 4,5 года, в то время как для русских на 3–3,5 года.

**Средний интервал между рождениями первой и второй очередности
в поколениях матерей (лет)**

Годы рождения женщин	Русские в России			Русские в Эстонии			Эстонцы в Эстонии		
	Непрерывный союз	Союзы разной очередности	Другое	Непрерывный союз	Союзы разной очередности	Другое	Непрерывный союз	Союзы разной очередности	Другое
1924–1929	3,9 (0,2)	9,8 (2,5)	4,9 (0,6)	3,8 (0,3)	11,2 (2,5)	7,3 (3,4)	3,8 (0,3)	10,9 (3,2)	7,3 (1,0)
1930–1939	4,8 (0,2)	8,7 (0,9)	5,1 (0,4)	5,7 (0,3)	7,5 (0,7)	3,4 (1,0)	3,8 (0,2)	9,3 (0,8)	6,1 (0,9)
1940–1949	4,8 (0,2)	8,3 (0,7)	4,9 (0,4)	5,1 (0,3)	7,9 (1,2)	5,1 (0,6)	3,6 (0,1)	7,1 (0,6)	5,8 (0,6)
1950–1959	4,9 (0,1)	8,3 (0,4)	6,5 (0,4)	4,6 (0,2)	9,4 (0,7)	4,7 (1,0)	3,2 (0,1)	8,0 (0,6)	5,0 (0,5)
1960–1969	4,2 (0,1)	7,4 (0,5)	5,4 (0,6)	4,5 (0,3)	7,7 (0,9)	2,8 (0,7)	3,2 (0,1)	7,8 (0,6)	5,9 (0,5)
1970–1979*	4,7 (0,2)	7,6 (0,5)	6,6 (0,7)	4,5 (0,4)	7,9 (1,2)	5,5 (1,6)	3,4 (0,2)	8,0 (0,8)	5,3 (0,6)

Примечание:

– в скобках указана стандартная ошибка среднего;

– другое: средний интервал между первым и вторым рождениями вне супружеского союза или средний интервал между первым рождением вне союза, вторым рождением – в супружеском союзе, и наоборот.

* * *

Подводя итоги, можно сказать, что результаты оценок методом Каплана-Майера показали: поведение эстонских женщин относительно рождения как первого, так и второго ребенка претерпело значительные изменения. В первую очередь поколения женщин, родившиеся и проживавшие в течение своего репродуктивного периода в Советском Союзе, следовали паттернам рождаемости первого ребенка, характерным для русских женщин в РСФСР. Молодые поколения женщин, родившиеся после 1970 г., резко изменили свое поведение относительно рождения первенца: для них стали характерны откладывание деторождения и более высокая вероятность окончательной бездетности. При этом доля женщин, родивших второго ребенка, среди эстонских женщин увеличивалась непрерывно от более старших поколений к более молодым.

Поведение русских женщин в России относительно рождения первого ребенка во всех поколениях стабильно, но при этом доля реализовавших рождение второго ребенка снижалась от старших к более молодым поколениям.

Паттерны рождения первого ребенка среди русских мигрантов в Эстонии в когортах, состоящих преимущественно из мигрантов первого поколения, не отличались от внутри-российских. В то же время русские мигранты из второго поколения (в основном это молодые поколения 1970-х и 1980-х гг. рождения) изменили свое репродуктивное поведение относительно рождения первого ребенка так же, как и коренные эстонки. Интересно, что доля родивших второго ребенка среди русских мигрантов при этом снижалась среди мигрантов как первого, так и второго поколения.

Кроме того, результаты проведенного анализа показали: вклад повторных союзов в рождаемость значительно увеличился. Доля первых рождений в первых союзах остается очень высокой, а в повторных союзах медленно, но растет во всех трех рассматриваемых группах населения. Вклад повторных союзов в рождения первой очередности у поколений женщин 1970–1980-х гг. рождения больше среди эстонцев и русских, проживающих в Эстонии. Вторые рождения также стали чаще происходить в повторных союзах среди как русских в России, так и русских и эстонцев в Эстонии. Если в прошлом практика

рождения второго ребенка в повторном союзе была более характерна для русских в России, чем у русских в Эстонии, и тем более у эстонцев, то для молодых матерей нет оснований для утверждения о существенных различиях, по крайней мере между эстонками и русскими в Эстонии.

Брак остается лидирующей формой партнерских отношений для рождения первого или второго ребенка как среди первых, так и среди повторных союзов среди русского населения России и Эстонии. Для эстонцев характерна высокая распространенность сожительства как формы союза, в котором появляются на свет дети, особенно, если этот союз является повторным.

Средний возраст матери при рождении первого ребенка в повторном союзе значимо выше, чем при рождении в первом союзе. Однако разница между ними постепенно снижается от одного поколения матерей к другому. Это может быть связано как с увеличением интенсивности вступления в повторные союзы, увеличением суммарного времени жизни в супружеских союзах и сокращением интервала времени между окончанием одного союза и вступлением в другой [Захаров 2007^a; Захаров 2007^b], так и со стремлением более быстрой реализации репродуктивных намерений при вступлении в брачно-партнерский союз.

Средний интервал времени между первым и вторым рождением в непрерывном союзе составляет четыре–пять лет для русского населения в России и в Эстонии, и три–четыре года для эстонцев. В случае, если первый и второй ребенок родились в союзах разной очередности, длина интервала составляет семь–восемь лет во всех трех рассматриваемых группах населения. Величина среднего интервала между двумя рождениями в непрерывном союзе для эстонцев аналогична наблюдаемой в Германии, но на один–два года больше в случае реализации второго рождения с другим партнером [Kreyenfeld, Heintz-Martin 2015]

В целом, результаты исследования показали, что русские мигранты в Эстонии склонны следовать паттернам репродуктивного поведения более близким к паттернам русского населения в России. Однако в молодых поколениях русских, проживающих в Эстонии, наблюдается рост среднего возраста рождения первого ребенка, шире распространены рождения в сожительствах и в повторных союзах, чем среди русских женщин в России. Это свидетельствует о наличии черт, сближающих репродуктивное поведение первых с эстонцами. По-видимому, снижение языкового барьера, выравнивание различий в образовательном уровне и характеристиках занятости среди русской и эстонской молодежи ведут к подвижкам в характеристиках репродуктивного поведения. Различия в социально-экономическом положении русского населения в Эстонии и коренными эстонцами, как показывают исследования, уже не играют прежней роли (см., в частности, [Rahnu, Puur, Sakkeus, Klesment 2015]). В то же время пока недостаточная адаптация русского населения к условиям страны проживания, их компактное расселение, сохранение культурных традиций и отчасти поведенческих практик, характерных для русского большинства в России, могут быть факторами, замедляющими распространение среди мигрантов и их потомков новых моделей демографического поведения, соответствующих закономерностям второго демографического перехода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонова А. В., Мипрофанова Е. С. (2016) Сожительства в России: промежуточное звено или легитимный институт // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 126–146.

Демографическая модернизация России, 1900–2000 (2006) М.: Новое издательство.

Захаров С.В. (2007^a) Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. № 4. С. 73–112.

Захаров С.В. (2007^b). Трансформация брачно-партнерских отношений в России: "золотой век" традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. М.: НИСП. С. 75–126.

- Захаров С., Чурилова Е., Агаджанян В. (2016) Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. № 1. С. 35–51.
- Фурман Д., Задорожнюк Э. (2004) Притяжение Балтии. Балтийские русские и балтийские культуры // Мир России. № 3. С. 98–130.
- Abbasi-Shavazi M.J., McDonald P. (2002) Fertility and multiculturalism: Immigrant fertility in Australia 1977–1991 // International Migration Review. No. 1. Pp. 215–242.
- Adsera A., Chiswick B.R. (2007) Are there gender and country of origin differences in immigrant labor market outcomes across European destinations? // Journal of Population Economics. No. 3. Pp. 495–526.
- Alba R. (2005) Bright vs. blurred boundaries: Second-generation assimilation and exclusion in France Germany and the United States // Ethnic and Racial Studies. No. 1. Pp. 20–49.
- Algan Y., Dustmann C., Glitz A., Manning A. (2010) The economic situation of first and second-generation immigrants in France Germany and the United Kingdom // Economic Journal. Vol. 120(542): F4–F30.
- Andersson G. (2004) Childbearing after migration: Fertility patterns of foreign-born women in Sweden // International Migration Review. No. 2. Pp. 747–774.
- Andersson G., Persson L. (2015) Childbearing among the descendant of immigrants in Sweden. Stockholm: Stockholm University. Families and Societies working paper. Vol. 39. Pp. 42–66.
- Andersson G., Scott K. (2007) Childbearing dynamics of couples in a universalistic welfare state: The role of labor-market status country of origin and gender // Demographic Research. Vol. 17(30). Pp. 897–938.
- Andreev E.M., Darsky L.E. (1992) Prospects of Russian Population in the Former USSR. Paper prepared for the International Colloquium “Population of the former USSR in the 21st century”. 29 September – 2 October 1992, Amsterdam, The Netherlands. (Organizers: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, Netherlands Graduate School of Research in demography, Population Research Centre at University of Groningen).
- Barber J.S. (2001) The intergenerational transmission of age at first birth among married and unmarried men and women // Social Science Research. No. 2. Pp. 219–247.
- Bean F.D., Swicegood C.G., Berg R. (2000) Mexican-origin fertility: New patterns and interpretations // Social Science Quarterly. No. 1. Pp. 404–420.
- Beaujouan, E., Solaz A. (2008) Childbearing after Separation: Do Second Unions Make Up for Missing Births? Evidence from France. Documents de travail. No. 155. Paris: INED.
- Becker G. (1981) A treatise on the family. Cambridge: Harvard Univ. Press.
- Billari F. C., Kohler H.-P. (2004) Patterns of low and lowest-low fertility in Europe // Population Studies. No. 2. Pp. 161–76.
- Billingsley S., Puur A., Sakkeus L. (2014) Jobs, careers, and becoming a parent under state socialist and market conditions: Evidence from Estonia 1971–2006 // Demographic Research. Vol. 30(64). Pp. 1733–1768.
- Bisin A., Patacchini E., Verdier T., Zenou Y. (2011) Ethnic identity and labor market outcomes of immigrants in Europe // Economic Policy. Vol. 26 (65). Pp. 57–92.
- Castles S., De Haas H., Miller M.J. (2014) The age of migration: International population movements in the modern world. Basingstoke: Palgrave Macmillan. doi:10.1007/978-0-230-36639-8.
- Coleman D. (2006) Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition // Population and Development Review. No. 3. Pp. 401–446.
- Coleman D. (2009) Migration and its consequences in the 21st century Europe // Coleman D. and Ediev D. (eds.). Impact of migration on demographic change and composition in Europe. Vienna Yearbook of Population Research 7 (Special issue on impact of migration on demographic change and composition in Europe). Pp. 1–18.
- Coleman D.A. (1994) Trends in fertility and intermarriage among immigrant populations in Western-Europe as measure of integration // Journal of Biosocial Science. No. 1. Pp. 107–136.
- Crul M. (2013) Snakes and ladders in educational systems: Access to higher education for second-generation Turks in Europe // Journal of Ethnic and Migration Studies. No. 9. Pp. 1383–1401.

Dubuc S. (2012) Immigration to the UK from high-fertility countries: Intergenerational adaptation and fertility convergence // *Population and Development Review*. No. 2. Pp. 353–368.

Ford K. (1990) Duration of residence in the United States and the fertility of U.S. immigrants // *International Migration Review*. No. 1. Pp. 34–68.

Forste R., Tienda M. (1996) What's behind racial and ethnic fertility differentials? // *Population and Development Review*. No. 1. Pp. 109–133.

Frank R., Heuveline P. (2005) A crossover in Mexican and Mexican-American fertility rates: Evidence and explanations for an emerging paradox // *Demographic Research*. No. 4. Pp. 77–104.

Garssen J., Nicolaas H. (2008) Fertility of Turkish and Moroccan women in the Netherlands: Adjustment to native level within one generation // *Demographic Research*. No. 33. Pp. 1249–1280.

Goldscheider C., Uhlenberg P.R. (1969) Minority group status and fertility // *American Journal of Sociology*. No. 4. Pp. 361–372.

ESA (2016) Statistics Estonia statistical database [electronic resource]. Tallinn: Statistics Estonia (<http://pub.stat.ee/px-web.2001/dialog/statfile2.asp>).

Hajnal J. (1965) European marriage pattern in historical perspective // Glass D.V., Eversley D.E.C. (eds). *Population in History*. London: Arnold. Pp. 101–143.

Haller W.J., Portes A., Lynch S. (2011) Dreams fulfilled dreams shattered: Determinants of segmented assimilation in the immigrant second generation // *Social Forces*. No. 3. Pp. 733–762.

Haug W., Compton P., Courbage Y. (2000) The demographic characteristics of national minorities in certain European states. Vol. 2. Council of Europe. Strasbourg: Council of Europe.

Henz U., Thomson E. (2005) Union stability and stepfamily fertility in Austria, Finland, France and West Germany // *European Journal of Population*. Vol. 21. Pp. 3–29.

Hill L., Johnson H. (2004) Fertility changes among immigrants: Generations neighborhoods and personal characteristics // *Social Science Quarterly*. No. 3. Pp. 811–826.

Hirschman C. (1983) America's melting pot reconsidered // *Annual Review of Sociology*. No. 9. Pp. 397–423.

Hotz V.J., Klerman J.A., Willis R.J. (1997) The economics of fertility in developed countries // Rosenzweig M.R., Stark O. (eds.). *Handbook of population and family economics*. Amsterdam: Elsevier. Pp. 275–347.

Hervitz H.M. (1985) Selectivity adaptation or disruption? A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: The case of Brazil // *International Migration Review*. No. 2. Pp. 293–317.

Kahn J.R. (1988) Immigrant selectivity and fertility adaptation in the United States // *Social Forces*. No. 1. Pp. 108–128.

Kalmijn M. (2007) Explaining Cross-National Differences in Marriage, Cohabitation, and Divorce in Europe, 1990–2000 // *Population Studies*. No. 3. Pp. 243–263.

Katus K., Puur A., Põldma A., Sakkeus L. (2009) Fertility development in the Baltic countries since 1990: a transformation in the context of long-term trends. *Yearbook of Population Research in Finland*. Vol. XLIV. Pp. 7–32.

Katus K., Puur A., Sakkeus L. (2000) The demographic characteristics of national minorities in Estonia // Haug W., Compton P., and Courbage Y. (eds.). *The demographic characteristics of national minorities in certain European states*. Strasbourg: Council of Europe Publishing. Pp. 29–92.

Katus K., Puur A., Sakkeus L. (2008) Family formation in the Baltic countries: a transformation in the legacy of state socialism // *Journal of Baltic Studies*. No. 2. Pp. 123–156.

Klüsener S. (2015) Spatial variation in non-marital fertility across Europe in the twentieth and twenty-first centuries: recent trends, persistence of the past, and potential future pathways // *The History of the Family*. No. 4. Pp. 593–628.

Kolk M. (2014) Multigenerational transmission of family size in contemporary Sweden // *Population Studies*. No. 1. Pp. 111–129.

Krapf S., Wolf K. (2015) Persisting differences or adaptation to German fertility patterns? First and second birth behavior of the 1.5 and second generation Turkish migrants in Germany // *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*. Vol. 67 (Suppl.) Pp. 137–164.

Kreyenfeld M., Heintz-Martin V. (2015). Fertility after Separation: Second births in High-Order Unions in Germany. 2015. Family and Societies Working Paper Series. No. 28.

- Kulu H. (2005) Migration and fertility: Competing hypotheses re-examined // *European Journal of Population*. No. 1. Pp. 51–87.
- Kulu H., Hannemann T. (2016) Why does fertility remain high among certain UK born ethnic minority women? // *Demographic Research*. Vol. 35(49). Pp. 1441–1488.
- Kulu H., Milewski N. (2007) Family change and migration in the life course: An introduction // *Demographic Research*. Vol. 17. Pp. 567–590.
- Lesthaeghe R. (2010) The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // *Population and Development Review*. No. 2. Pp. 211–251.
- Lindemann K. (2013) Structural integration of young Russian-speakers in post-Soviet contexts: Educational attainment and the transition to the labour market. Tallinn: Tallinn University (Dissertations in Social Sciences 68).
- Mayer J., Riphahn R.T. (2000) Fertility assimilation of immigrants: Evidence from count data models // *Journal of Population Economics*. No. 2. Pp. 241–261.
- Milewski N. (2010) Immigrant fertility in West Germany: Is there a socialization effect in transitions to second and third births? // *European Journal of Population*. No. 3. Pp. 297–323.
- Milewski N. (2011) Transition to a first birth among Turkish second-generation migrants in Western Europe // *Advances in Life Course Research*. No. 4. Pp. 178–189.
- Murinkó L., Szalma I. (2016) Men's Fertility in Second Unions in Three European Countries: The Effect of Parenthood Status. *Finnish Yearbook of Population Research*. Vol. 50. Pp. 53–70.
- Murphy M., Knudsen L.B. (2002) The intergenerational transmission of fertility in contemporary Denmark: The effects of number of siblings (full and half) birth order and whether male or female // *Population Studies*. No. 3. Pp. 235–248.
- Pailhé A. (2015) The timing of childbearing among descendant of immigrants in France. Stockholm: Stockholm University // *Families and Societies working paper*. Vol. 39. Pp. 98–127.
- Portes A., Fernández-Kelly P., Haller W. (2009) The adaptation of the immigrant second generation on America: A theoretical overview and recent evidence // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. No. 7. Pp. 1077–1104.
- Prskawetz A., Vikat A., Philipov D., Engelhardt H. (2003) Pathways to stepfamily formation in Europe: Results from the FFS // *Demographic Research*. No. 5. Pp. 107–150.
- Puur A., Rahnu L., Abuladze L., Sakkeus L., Zakharov S. (2017) Childbearing among first- and second-generation Russians in Estonia against the background of the sending and host countries // *Demographic Research*. Vol. 36. (Forthcoming). Pp. 1209–1254.
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V., Zakharov S. V. (2012) Transformation of partnership formation in Eastern Europe: The legacy of the past demographic divide // *Journal of Comparative Family Studies*. No. 3. Pp. 389–417.
- Rahnu L., Puur A., Sakkeus L., Klesment M. (2015) Partnership dynamics among migrants and their descendants in Estonia // *Demographic Research*. Vol. 32(56). Pp. 1519–1566.
- Rendall M.S., Tsang F., Rubin J.K., Rabinovich L., Janta B. (2010) Contrasting trajectories of labor-market integration between migrant women in Western and Southern Europe // *European Journal of Population*. No. 4. Pp. 383–410.
- Rindfuss R.R. (1976) Fertility and migration: The case of Puerto Rico // *International Migration Review*. No. 2. Pp. 191–203.
- Roberts R.E., Lee E.S. (1974) Minority group status and fertility revisited // *American Journal of Sociology*. No. 2. Pp. 503–523.
- Rumbaut R.G., Weeks J.R. (1986) Fertility and adaptation: Indochinese refugees in the United States. // *International Migration Review*. No. 2. Pp. 428–466.
- Safi M. (2010) Immigrants' life satisfaction in Europe: Between assimilation and discrimination // *European Sociological Review*. No. 2. Pp. 159–176.
- Saenz R., Hwang S.-S., Aquirre B.E. (1994) In search of Asian war brides // *Demography*. No. 3. Pp. 549–559.
- Scott K., Stanfors M. (2011) The transition to parenthood among the second generation: Evidence from Sweden 1990–2005 // *Advances in Life Course Research*. No. 4. Pp. 190–204.
- Sobotka T. (2008) The rising importance of migrants for childbearing in Europe // *Demographic Research*. No. 9. Pp. 225–248.

Solé-Auró A., Crimmins E.M. (2008) Health of immigrants in European countries // *International Migration Review*. No. 4. Pp. 861–876.

Stichnoth H., Yeter M. (2013) Cultural influences on the fertility behaviour of first-and second-generation immigrants in Germany. Mannheim: Zentrum für Europäische Wirtschaftsforschung // *ZEW Discussion Paper*. 13–023.

Swicegood G., Bean F.D., Stephen E.H., Opitz W. (1988) Language usage and fertility in the Mexican origin population of the United States // *Demography*. No. 1. Pp. 17–34.

Thomson E., Winkler-Dworak M., Spielauer M., Prskawetz A. (2009) Union Instability as an Engine of Fertility? A Micro-simulation Model for France. Working Papers No. 2. Vienna Institute of Demography.

Vikat A., Thomson E., Hoem J.M. (1999) Stepfamily fertility in contemporary Sweden: The impact of childbearing before the current union // *Population Studies*. Vol. 53. Pp. 211–225.

Zakharov S. (2008) Russian Federation: From the first to the second demographic transition // *Demographic Research*. Vol. 19(24). Pp. 907–972.

Zhou M. (1997) Segmented assimilation: Issues controversies and recent research on the new second generation // *International Migration Review*. No. 4. Pp. 975–1008.

Fertility in Russia and Estonia: Differences among Russians in Russia and in Estonia and Native Estonians

*E. CHURILOVA**,
*S. ZAKHAROV***,
*A. PUUR****,
*L. RAHNU*****,
*L. SAKKEUS******

* **Churilova Elena** – Candidate of Sociology (Ph.D.), Researcher, International Laboratory for Population and Health at the National Research University Higher School of Economics. Address: Bolshoi Trekhsvyatitskii pereulok, bld. 3, Moscow109028, Russia. E-mail: evchurilova@hse.ru

** **Zakharov Sergei** – Candidate of Economics (Ph.D.), Deputy Director, Institute of Demography at the National Research University Higher School of Economics. Address: Bolshoi Trekhsvyatitskii pereulok, bld. 3, Moscow109028, Russia. E-mail: szakharov@hse.ru

*** **Puur Allan** – Ph.D., Professor-researcher, Estonian Institute for Population Studies, Tallinn University. Address: Narva mnt 25, 10120 Tallinn, Estonia E-mail: allan.puur@tlu.ee

**** **Rahnu Leen** – Ph.D., Researcher, Estonian Institute for Population Studies at the Tallinn University. Address: Narva mnt 25, 10120 Tallinn, Estonia. E-mail: rahnu@tlu.ee

***** **Sakkeus Luule** – Ph.D., Director, Estonian Institute for Population Studies at the Tallinn University. Address: Narva mnt 25, 10120 Tallinn, Estonia. E-mail: luule.sakkeus@tlu.ee

Abstract

The collapse of the USSR, transition to market economy and structural changes in society had given start to the family and marriage transformation in Russia and post-soviet countries of Eastern Europe. Estonia is one of the examples of rapid deinstitutionalization of marriage, widespread of cohabitations and nonmarital births. At the same time, since first post-war decades Estonia accepted the Russian migrants throughout a long time. Research shows that adaptation of the Russian population in Estonia has proceeded slowly, and patterns of matrimonial behavior of the Russian migrants and their descendants in Estonia tend to be closer to base patterns of ethnical Russians observed in Russia. In this article the UN ECE ‘Generations and Gender’ Survey data were used to estimate and compare fertility behavior among the Russian and Estonian population in Estonia and Russians in Russia. Our results show the significant changes in reproductive behavior among Estonians and Russians in Estonia, but the probabilities of first births among Russians in Russia are stable across generations. The probabilities of second births were

increasing from one generation to other among Estonians women, but contrary, decreased among Russians both in Estonia and Russia. The contribution of births in high-order unions to total number of births significantly increased both among Estonians and Russian population in Russia, as well as among Russian migrants in Estonia. At the same time, the reproductive behavior of Russians in Estonia has common features with behavior of the Russian population in Russia: the share of births in the unregistered unions is less, and length of the time interval between the first and second births in the continuous union is bigger, than for Estonians. However, there are signs of some changes in reproductive behavior among Russians in Estonia born after 1970.

Keywords: Russia, Estonia, Russian migrants, marriage, cohabitation, second unions, fertility, first births, second births, cohorts, UNECE Generation and Gender Project.

REFERENCES

- Abbasi-Shavazi M.J., McDonald P. (2000) Fertility and multiculturalism: Immigrant fertility in Australia 1977–1991. *International Migration Review*, no. 1, pp. 215–242.
- Adsera A., Chiswick B.R. (2007) Are there gender and country of origin differences in immigrant labor market outcomes across European destinations? *Journal of Population Economics*, no. 3, pp. 495–526.
- Alba R. (2005) Bright vs. blurred boundaries: Second-generation assimilation and exclusion in France Germany and the United States. *Ethnic and Racial Studies*, no. 1, pp. 20–49.
- Algan Y., Dustmann C., Glitz A., Manning A. (2010) The economic situation of first and second-generation immigrants in France Germany and the United Kingdom. *Economic Journal*, vol. 120 (542). F4–F30.
- Andersson G. (2004) Childbearing after migration: Fertility patterns of foreign-born women in Sweden. *International Migration Review*, no. 2, pp. 747–774.
- Andersson G., Persson L. (2015). Childbearing among the descendant of immigrants in Sweden. Stockholm: Stockholm University. *Families and Societies working paper*, vol. 39, pp. 42–66.
- Andersson G., Scott K. (2007) Childbearing dynamics of couples in a universalistic welfare state: The role of labor-market status country of origin and gender. *Demographic Research*, vol. 17(30), pp. 897–938.
- Andreev E.M., Darsky L.E. (1992) *Prospects of Russian Population in the Former USSR*. Paper prepared for the International Colloquium “Population of the former USSR in the 21st century”. 29 September – 2 October 1992, Amsterdam, The Netherlands. (Organizers: Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences, Netherlands Graduate School of Research in demography, Population Research Centre at University of Groningen).
- Artamonova A.V., Mitrofanova E.S. (2016) Sozhitel'stva v Rossii: promezhutochnoe zveno ili legitimny institute [Cohabitation in Russia: “trial” union or an independent social institution]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no. 1, pp. 126–146.
- Barber J.S. (2001) The intergenerational transmission of age at first birth among married and unmarried men and women. *Social Science Research*, no. 2, pp. 219–247.
- Bean F.D., Swicegood C.G., Berg R. (2000) Mexican-origin fertility: New patterns and interpretations. *Social Science Quarterly*, no. 1, pp. 404–420.
- Beaujouan, E., Solaz A. (2008). *Childbearing after Separation: Do Second Unions Make Up for Missing Births? Evidence from France. Documents de travail*, no. 155. Paris: INED.
- Becker G. (1981) *A treatise on the family*. Cambridge: Harvard Univ. Press.
- Billari F. C., Kohler H.-P. (2004) Patterns of low and lowest-low fertility in Europe. *Population Studies*, no. 2, pp. 161–76.
- Billingsley S., Puur A., Sakkeus L. (2014) Jobs, careers, and becoming a parent under state socialist and market conditions: Evidence from Estonia 1971–2006. *Demographic Research* vol. 30(64), pp. 1733–1768.
- Bisin A., Patacchini E., Verdier T., Zenou Y. (2011) Ethnic identity and labor market outcomes of immigrants in Europe. *Economic Policy*, vol. 26(65), pp. 57–92.
- Castles S., De Haas H., Miller M.J. (2014) *The age of migration: International population movements in the modern world*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. doi:10.1007/978-0-230-36639-8.

Coleman D. (2006) Immigration and ethnic change in low-fertility countries: A third demographic transition. *Population and Development Review*, no. 3, pp. 401–446.

Coleman D. (2009) Migration and its consequences in the 21st century Europe. Coleman D., Ediev D. (eds.). *Impact of migration on demographic change and composition in Europe. Vienna Yearbook of Population Research 7 (Special issue on impact of migration on demographic change and composition in Europe)*, pp. 1–18.

Coleman D.A. (1994) Trends in fertility and intermarriage among immigrant populations in Western-Europe as measure of integration. *Journal of Biosocial Science*, no. 1, pp. 107–136.

Crul M. (2013). Snakes and ladders in educational systems: Access to higher education for second-generation Turks in Europe. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no. 9, pp. 1383–1401.

Demograficheskaya modernizatsiya Rossii. 1900–2000 (2006) [Demographic Modernization in Russia. 1900–2000]. Moscow: Novoe Izdatel'stvo.

Dubuc S. (2012) Immigration to the UK from high-fertility countries: Intergenerational adaptation and fertility convergence. *Population and Development Review*, no. 2, pp. 353–368.

ESA (2016) *Statistics Estonia statistical database* [electronic resource]. Tallinn: Statistics Estonia (<http://pub.stat.ee/px-web.2001/dialog/statfile2.asp>).

Ford K. (1990) Duration of residence in the United States and the fertility of U.S. immigrants. *International Migration Review*, no. 1, pp. 34–68.

Forste R., Tienda M. (1996) What's behind racial and ethnic fertility differentials? *Population and Development Review*, no. 1, pp. 109–133.

Frank R., Heuveline P. (2005) A crossover in Mexican and Mexican-American fertility rates: Evidence and explanations for an emerging paradox. *Demographic Research*, no. 4, pp. 77–104.

Furman D., Zadorozhnyuk Je. (2004) Prityazhenie Baltii. Baltiyskie russkie i baltiyskie kul'tury [Baltic attraction: Baltic Russians and Baltic cultures]. *Mir Rossii*, no. 3, pp. 98–130.

Garssen J., Nicolaas H. (2008) Fertility of Turkish and Moroccan women in the Netherlands: Adjustment to native level within one generation. *Demographic Research*, vol. 19(33), pp. 1249–1280.

Goldscheider C., Uhlenberg P.R. (1969) Minority group status and fertility. *American Journal of Sociology*, no. 4, pp. 361–372.

Hajnal J. (1982) Two kinds of pre-industrial household formation system. *Population and Development Review*, no. 3, pp. 449–494.

Hajnal J. (1965) European marriage pattern in historical perspective. Glass D.V., Eversley D.E.C. (eds). *Population in History*. London: Arnold, pp. 101–143.

Haller W.J., Portes A., Lynch S. (2011) Dreams fulfilled dreams shattered: Determinants of segmented assimilation in the immigrant second generation. *Social Forces*, no. 3, pp. 733–762.

Haug W., Compton P., Courage Y. (2000) *The demographic characteristics of national minorities in certain European states. Vol. 2. Council of Europe*. Strasbourg: Council of Europe.

Henz U., Thomson E. (2005) Union stability and stepfamily fertility in Austria, Finland, France and West Germany. *European Journal of Population*, vol. 21, pp. 3–29.

Hervitz H.M. (1985) Selectivity adaptation or disruption? A comparison of alternative hypotheses on the effects of migration on fertility: The case of Brazil. *International Migration Review*, no. 2, pp. 293–317.

Hill L., Johnson H. (2004) Fertility changes among immigrants: Generations neighborhoods and personal characteristics. *Social Science Quarterly*, no. 3, pp. 811–826.

Hirschman C. (1983) America's melting pot reconsidered. *Annual Review of Sociology*, no. 9, pp. 397–423.

Hotz V.J., Klerman J.A., Willis R.J. (1997) The economics of fertility in developed countries. *Handbook of population and family economics*. Rosenzweig. M.R., Stark O. (eds.). Amsterdam: Elsevier, pp. 275–347.

Kahn J.R. (1988) Immigrant selectivity and fertility adaptation in the United States. *Social Forces*, no. 1, pp. 108–128.

Kalmijn M. (2007) Explaining Cross-National Differences in Marriage, Cohabitation, and Divorce in Europe, 1990–2000. *Population Studies*, no. 3, pp. 243–263.

Katus K., Puur A., Põldma A., Sakkeus L. (2009) Fertility development in the Baltic countries since 1990: a transformation in the context of long-term trends. *Yearbook of Population Research in Finland*, vol. XLIV, pp. 7–32.

- Katus K., Puur A., Sakkeus L. (2000) The demographic characteristics of national minorities in Estonia. Haug W., Compton P., and Courbage Y. (eds.). *The demographic characteristics of national minorities in certain European states*. Strasbourg: Council of Europe Publishing, pp. 29–92.
- Katus K., Puur A., Sakkeus L. (2008) Family formation in the Baltic countries: a transformation in the legacy of state socialism. *Journal of Baltic Studies*, no. 2, pp. 123–156.
- Klüsener S. (2015) Spatial variation in non-marital fertility across Europe in the twentieth and twenty-first centuries: recent trends, persistence of the past, and potential future pathways. *The History of the Family*, no. 4, pp. 593–628.
- Kolk M. (2014) Multigenerational transmission of family size in contemporary Sweden. *Population Studies*, no. 1, pp. 111–129.
- Krapf S., Wolf K. (2015) Persisting differences or adaptation to German fertility patterns? First and second birth behavior of the 1.5 and second generation Turkish migrants in Germany. *Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie*, vol. 67 (Suppl), pp. 137–164.
- Kreyenfeld M., Heintz-Martin V. (2015) *Fertility after Separation: Second births in High-Order Unions in Germany. 2015. Family and Societies Working Paper Series*, no. 28.
- Kulu H. (2005) Migration and fertility: Competing hypotheses re-examined. *European Journal of Population*, no. 1, pp. 51–87.
- Kulu H., Hannemann T. (2016) Why does fertility remain high among certain UK born ethnic minority women? *Demographic Research*, vol. 35(49), pp. 1441–1488.
- Kulu H., Milewski N. (2007) Family change and migration in the life course: An introduction. *Demographic Research*, vol. 17(19), pp. 567–590.
- Lesthaeghe R. (2010) The Unfolding Story of the Second Demographic Transition. *Population and Development Review*, no. 2, pp. 211–251.
- Lindemann K. (2013) *Structural integration of young Russian-speakers in post-Soviet contexts: Educational attainment and the transition to the labour market*. Tallinn: Tallinn University (Dissertations in Social Sciences 68).
- Mayer J., Riphahn R.T. (2000) Fertility assimilation of immigrants: Evidence from count data models. *Journal of Population Economics*, no. 2, pp. 241–261.
- Milewski N. (2010) Immigrant fertility in West Germany: Is there a socialization effect in transitions to second and third births? *European Journal of Population*, no. 3, pp. 297–323.
- Milewski N. (2011) Transition to a first birth among Turkish second-generation migrants in Western Europe. *Advances in Life Course Research*, no. 4, pp. 178–189.
- Murinkó L., Szalma I. (2016) Men's Fertility in Second Unions in Three European Countries: The Effect of Parenthood Status. *Finnish Yearbook of Population Research*, vol. 50, pp. 53–70.
- Murphy M., Knudsen L.B. (2002) The intergenerational transmission of fertility in contemporary Denmark: The effects of number of siblings (full and half) birth order and whether male or female. *Population Studies*, no. 3, pp. 235–248.
- Pailhé A. (2015) The timing of childbearing among descendant of immigrants in France. Stockholm: Stockholm University. *Families and Societies working paper*, vol. 39, pp. 98–127.
- Portes A., Fernández-Kelly P., Haller W. (2009) The adaptation of the immigrant second generation on America: A theoretical overview and recent evidence. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, no. 7, pp. 1077–1104.
- Prskawetz A., Vikat A., Philipov D., Engelhardt H. (2003) Pathways to stepfamily formation in Europe: Results from the FFS. *Demographic Research*, no. 5, pp. 107–150.
- Puur A., Rahn L., Abuladze L., Sakkeus L., Zakharov S. (2017) Childbearing among first- and second-generation Russians in Estonia against the background of the sending and host countries. *Demographic Research*, vol. 36 (Forthcoming), pp. 1209–1254.
- Puur A., Rahn L., Maslauskaitė A., Stankuniene V., Zakharov S.V. (2012) Transformation of partnership formation in Eastern Europe: The legacy of the past demographic divide. *Journal of Comparative Family Studies*, no. 3, pp. 389–417.
- Rahn L., Puur A., Sakkeus L., Klesment M. (2015) Partnership dynamics among migrants and their descendants in Estonia. *Demographic Research*, vol. 32(560), pp. 1519–1566.

- Rendall M.S., Tsang F., Rubin J.K., Rabinovich L., Janta B. (2010) Contrasting trajectories of labor-market integration between migrant women in Western and Southern Europe. *European Journal of Population*, no. 4, pp. 383–410.
- Rindfuss R.R. (1976) Fertility and migration: The case of Puerto Rico. *International Migration Review*, no. 2, pp. 191–203.
- Roberts R.E., Lee E.S. (1974) Minority group status and fertility revisited. *American Journal of Sociology*, no. 2, pp. 503–523.
- Rumbaut R.G., Weeks J.R. (1986) Fertility and adaptation: Indochinese refugees in the United States. *International Migration Review*, no. 2, pp. 428–466.
- Safi M. (2010). Immigrants' life satisfaction in Europe: Between assimilation and discrimination. *European Sociological Review*, no. 2, pp. 159–176.
- Saenz R., Hwang S.-S., Acuirre B.E. (1994) In search of Asian war brides. *Demography*, no. 3, pp. 549–559.
- Scott K., Stanfors M. (2011) The transition to parenthood among the second generation: Evidence from Sweden 1990–2005. *Advances in Life Course Research*, no. 4, pp. 190–204.
- Sobotka T. (2008) The rising importance of migrants for childbearing in Europe. *Demographic Research*, no. 9, pp. 225–248.
- Solé-Auró A., Crimmins E.M. (2008) Health of immigrants in European countries. *International Migration Review*, no. 4, pp. 861–876.
- Stichnoth H., Yeter M. (2013) Cultural influences on the fertility behaviour of first- and second-generation immigrants in Germany. Mannheim: Zentrum für Europäische Wirtschaftsforschung. *ZEW Discussion Paper*. 13–023.
- Swicegood G., Bean F.D., Stephen E.H., Opitz W. (1988). Language usage and fertility in the Mexican origin population of the United States. *Demography*, no. 1, pp. 17–34.
- Thomson E., Winkler-Dworak M., Spielauer M., Prskawetz A. (2009) *Union Instability as an Engine of Fertility? A Micro-Simulation Model for France. Working Papers No. 2. Vienna Institute of Demography*.
- Vikat A., Thomson E., Hoem J.M. (1999) Stepfamily fertility in contemporary Sweden: The impact of childbearing before the current union. *Population Studies*, vol. 53, pp. 211–225.
- Zakharov S.V. (2007^a) Noveyshie tendencii formirovaniya sem'i v Rossii [New tendencies in family formation in Russia]. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 73–112.
- Zakharov S. (2008) Russian Federation: From the first to the second demographic transition. *Demographic Research*, vol. 19(24), pp. 907–972.
- Zakharov S.V. (2007^b). Transformatsiya brachno-partnerskikh otnosheniy v Rossii: "zolotoj vek" tradicionnogo braka blizitsya k zakatu? [Transformation of partnerships in Russia: is the 'golden age' of marriage coming to the end?]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshhiny v sem'e i obshchestve* [Parents and Children, Men and Women in Family and Society]. Moscow: Independent Institute of Social Policy, pp. 75–126.
- Zakharov S., Churilova E., Agadjanian V. (2016) Rozhdaemost' v povtorykh soyuzakh v Rossii: pozvolyaet li vstuplenie v noviy supruzheskiy soyuz doctich' ideala dvukhdetnoy sem'i [Fertility in higher-order marital unions in Russia: does a new partnership allow for the realization of the two-child ideal?]. *Demographic review*, no. 1, pp. 35–51.
- Zhou M. (1997) Segmented assimilation: Issues controversies and recent research on the new second generation. *International Migration Review*, no. 4, pp. 975–1008.